

С.В. Смоленский

О древнерусских певческих нотациях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
С11

С11 **С.В. Смоленский**
О древнерусских певческих нотациях / С.В. Смоленский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 122 с.

ISBN 978-5-518-07048-6

Историко-палеографический очерк, читанный в Обществе любителей древней письменности 26 января 1901 года

ISBN 978-5-518-07048-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

довъ Европы, есть суцїй краеугольный камень теорїи будущей русской музыки.

Замѣчательно и критическое отношеніе къ воспринимаемому изъ чужеземнаго искусства. Послѣ первыхъ увлеченій заимствованнымъ скоро остается въ народѣ лишь то немногое, что соотвѣтствуетъ его мышленію, слуху и музыкальному чувству. Остальное, непригодное, отбрасывается. Но и затѣмъ это оставленное передѣлывается на русскій ладъ. въ такой степени, что напѣвъ теряетъ даже и малые признаки заимствованія. Даже и въ такой передѣлкѣ воспринятаго изъ чужеземнаго искусства, иногда долго спустя, изгоняются послѣднія ноты, напоминающія еще чужое: народное вдохновеніе замѣняетъ ихъ новыми, своими додумками и додѣлками. Въ результатѣ—новое обогащеніе чужою. здоровою мыслью, но обрусѣлою и передѣланною иногда до полной неузнаваемости. Обогащеніе чужимъ, конечно, восполняетъ только что-либо недостававшее въ своемъ. Только филологи знаютъ, что, на примѣръ, «крюкъ» или «паукъ» (то-есть, названія древнихъ нотъ)—слова не русскія; только музыканты могутъ разобраться въ мелкихъ подробностяхъ того «греческаго» или «болгарскаго» распѣва, которые мы слышимъ въ нашихъ церквахъ, не подозрѣвая ихъ чужеземнаго происхожденія. Въ этихъ столь обычныхъ для насъ напѣвахъ, ставшихъ родными нашему слуху, осталась лишь самая небольшая часть греческаго и болгарскаго элементовъ. Все поглощено русскимъ творчествомъ. все тутъ передѣлано на русскій вкусъ и ладъ.

То же случилось и съ древнѣйшими пѣвческими нотаціями, несомнѣнно сначала заимствованными. Однако, развитіе ихъ и появленіе позднѣйшихъ нотацій есть наше неотъемлемое, собственное изобрѣтеніе. Размѣры привнесенія своего въ чужое,

размѣры усовершенствованія и приноровленія этого чужого къ требованіямъ русскаго слуха и музыкальнаго чувства кажутся мнѣ столь большими, что вліяніе первоначальнаго заимствованія прямо умаляется иногда до полной незначительности. За то увеличивается значеніе домашней переработки чужого искусства до степени своего, русскаго народнаго творчества. Позднѣйшія нотаци, изобрѣтенныя уже въ Россіи, представляются какъ бы свидѣтелями мощи художественной русской струи. Она по большей части стремилась проявить свои вдохновенія внѣ строгаго уставнаго богослужебнаго порядка — въ области только свободнаго творчества, — частью церковнаго, частью духовно-назидательнаго содержанія. Это есть область того древняго пѣнія, которая какъ-бы соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ свободнымъ духовнымъ сочиненіямъ, столь противоположнымъ такъ называемому обиходу.

Церковное пѣніе было всегда любимымъ и самымъ задушевнымъ искусствомъ Руси, особенно же древней. Не удивительно поэтому, если въ его мелодіяхъ выразились сполна всѣ стороны сосредоточеннаго и серьезнаго русскаго міросозерцанія, а въ записяхъ этихъ мелодій—все остроуміе самаго тонкаго анализа родныхъ вдохновеній. Все послѣднее есть трудъ нашихъ теоретиковъ-музыкантовъ,—столь же цѣнный, какъ и самыя мелодіи.

Съ другой стороны: огромныя разстоянія, напримѣръ, отъ Москвы до Кіева, или до Соловковъ, или до Новгорода, задерживали общеніе русскихъ пѣвцовъ и распространеніе музыкальныхъ идей. Въ связи съ разностями климатовъ и состава населенія не трудно уяснить все разнообразіе мелодій, напримѣръ, теплаго, свѣтлаго юга и холоднаго, угрюмаго сѣвера. Трудность сообщеній къ тому же прямо затрудняла объединеніе этихъ столь

дальнихъ и разныхъ между собою мѣстностей. Отсюда — сознаніе вариантовъ и обособленность мѣстно созданныхъ и выработанныхъ напѣвовъ. Отсюда же и появленіе мелкихъ вариантовъ нотацій, на примѣръ, Усольскаго мастеропѣнія, «переводовъ» Христіанинова, Баскакова и т. п. Даже въ XV—XVI в. объединявшее значеніе Москвы было незначительно, а въ болѣе древнее время такъ и прямо слабо.

Та же трудность сообщеній задерживала воспріятіе и распространеніе чужеземныхъ музыкальныхъ идей. Та же разьединенность Кіева отъ Москвы, или отъ Новгорода, влекла за собою разновидности въ переработкахъ воспріятого. Едва-едва добираются эти чужеземныя вліянія, значительно смягченныя разстояніями, до дальнихъ городовъ Русской земли. Уніатскія и католическія вліянія, шедшія черезъ юго-западную Русь, лютеранскія—черезъ Новгородъ, такъ и не дошли до далекаго лѣснаго востока. Нашъ сѣверъ, позднѣе подпадавшій двойнымъ вліяніямъ изъ Москвы и съ Запада, изъ-за моря, такъ и не воспріялъ ничего изъ иноземнаго. Онъ остался съ своимъ суровымъ, знаменнымъ распѣвомъ, развившимся тамъ съ полнымъ великолѣпіемъ. Явленіе это весьма наглядно повторилось въ XVIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ народившагося тогда самостоятельнаго хорowego церковнаго пѣнія. Двойная дорога этого искусства на сѣверъ шла изъ Москвы черезъ Вологду и изъ Петербурга черезъ Петрозаводскъ къ Архангельску, но—жалки Соловецкія хоровыя рукописи XVIII в. въ сравненіи, на примѣръ, даже съ захудалымъ пышѣ Верховажскомъ, когда-то пѣвучимъ! Русь не приняла на сѣверѣ пересаженное къ намъ иноземное искусство.

Созданіе русскихъ пѣвческихъ нотацій происходило, какъ мнѣ представляется, слѣдующимъ образомъ: спачала появлялись

талантливые пѣвцы, уловившіе новые способы музыкальнаго толкованія и иллюстраціи какихъ-либо текстовъ, а потомъ, можетъ быть и долго спустя, придумывалась новая нотация ad hoc. Дѣло въ томъ, что способъ церковно-музыкальнаго русскаго сочиненія вполне своеобразенъ и повторяется одинаково во всѣхъ роспѣвахъ. Каждый русскій церковный роспѣвъ, по народному обычаю, состоитъ изъ нѣсколькихъ, иногда очень многочисленныхъ, но короткихъ мелодій. По существу музыкальнаго содержанія, или взаимнаго расположенія, этимъ мелодіямъ придавались значенія либо по отношенію къ условнымъ музыкальнымъ формамъ (предложенія, періоды, вводныя части, большіе отдѣлы и т. п.), либо по отношенію къ опредѣленнымъ содержаніямъ текста (радость, печаль, вопросъ, отвѣтъ и т. п.) Вся задача древняго «творца», «роспѣвщика», заключалась въ томъ, чтобы, пользуясь такими мелодіями, условными только для даннаго роспѣва, связать ихъ между собою вставить между ними своего рода «интермедію», или «ходъ», или даже устроить послѣ данной «экспозиціи» какъ бы своеобразную «разработку» въ предѣлахъ между такими мелодіями, какія считаются непремѣнными показателями музыкальной формы. Въ стихотворныхъ формахъ, напримѣръ, въ секстинѣ, въ октавѣ, въ сонетѣ и т. п., порядокъ рифмованія строкъ въ куплетахъ и самое число рифмованныхъ строкъ, равно и употребленіе тѣхъ или другихъ размѣровъ (4-хъ-стопный ямбъ, гекзаметръ, Александрійскій стихъ, свободный несимметричный стихъ и т. п.) суть наглядныя и условныя формы поэтическихъ произведеній; употребленіе всякихъ троповъ и другихъ щіемовъ изобразительности рѣчи суть собственно признаки совершенства изобразительнаго творчества. Совершенно также, хотя и своеобразно, и въ знаменныхъ, и въ

демественныхъ стихирахъ, или въ отдѣльныххъ пѣснопѣніяхъ, вродѣ «На рѣкахъ Вавилонскихъ», или во всякихъ «Херувимскихъ», создались и точно выработались тѣ же секстины, сонеты, гекзаметры, метафоры, единоначатія, рифмы, метры и т. п.

Когда новый напѣвъ получалъ права гражданства въ своемъ небольшомъ околodкѣ, дѣлался любимымъ и распространялся устно, сама собою являлась надобность отъѣнить чѣмъ-либо самостоятельность значенія его мелодій и самостоятельность формъ его строенія, то-есть, являлась надобность самостоятельной записи. Запись, конечно, влекла за собою надобность точнаго анализа новыхъ элементовъ мелодій напѣва и усвоенныхъ формъ. Та же запись устанавливала законченность художественной дисциплины напѣва. Та же запись спасала правильную по міру передачу новаго сочиненія. Понятно, что такая работа была дѣломъ не одной сотни умовъ теоретиковъ-музыкантовъ.

Напѣвъ проходилъ затѣмъ неумолимую цензуру еще сотенъ и тысячъ усердныхъ и ревнивыхъ слушателей-богомольцевъ; потомъ напѣвъ обтачивался о практику сотенъ и тысячъ художниковъ-пѣвцовъ. То же, конечно, было въ рукахъ пѣвцовъ и съ новоизобрѣтенной нотаціей. Только послѣ такого строгаго и, вѣроятно, очень долговременнаго испытанія, новый напѣвъ и новая его нотація пріобрѣтали права гражданства. Только тогда получалась въ немъ та красота и законченность, которыя свойственны народной мудрости и недоступны твореніямъ отдѣльныхъ людей, хотя бы и геніевъ.

Таковъ, какъ мнѣ думается, первый періодъ существованія каждаго русскаго церковнаго распѣва и каждой нотаціи.

Во второмъ періодѣ, вслѣдъ за своимъ вѣкомъ, напѣвъ совершенствуется въ развитіи своихъ мелодическихъ подробностей, а запись — въ тонкости анализа и въ приспособленіи

алфавита къ еще бôльшей наглядности даже въ мелочахъ. Это—періодъ процвѣтанія распѣва, происхожденія отъ него новыхъ распѣвовъ. Вмѣстѣ съ народомъ растетъ и его языкъ, возвышается его культура, измѣняется политическое положеніе, изощряются вкусы. появляются новые поэты, новыя умственныя движенія и пр. Какъ въ зеркалѣ отражаются всѣ эти вліянія на русскомъ церковномъ напѣвѣ. Художественная дѣятельность не прерывается, но. развиваясь. становится все болѣе чуткою, отзывчивою и изящною; тутъ же видны и малодушныя шатанія мыслей, временныя увлеченія. борьба разныхъ художественныхъ направленій и пр.

Техническія подробности въ мелодіяхъ и въ записяхъ древнихъ распѣвовъ только подтверждаютъ тонкость анализа и остроумія нашихъ предковъ въ дѣлѣ музыкальнаго искусства. Отсюда—совершенство разработки нашихъ мелодій и ихъ записей. Отсюда же, при силѣ выразительности русской мелодіи, при глубинѣ русскаго музыкальнаго чувства, слѣдуетъ заключить о научномъ богатствѣ содержащаго древнихъ церковныхъ распѣвовъ и о надобности одновременнаго существованія нѣсколькихъ родовъ пѣнія съ отдѣльными для каждаго изъ нихъ нотаціями. Любовь нашихъ предковъ къ церковному пѣнію, въ дополненіе къ внутреннему его содержанию, выработала и внѣшнее изящество нашихъ пѣвчихъ рукописей, напримѣръ, богатство украшеній, точность и красоту почерковъ.

Пока. за молодостью нашей науки, крайне трудно даже и приступиться къ чтенію нѣкоторыхъ забытыхъ нотацій. Будущіе ученые пойдутъ. конечно, по болѣе торной дорогѣ и легко откроютъ нынѣ намъ недоступное. Тогда осмыслится взаимодѣйствіе и практика одновременной жизни разныхъ нотацій, какъ свидѣтелей разныхъ родовъ пѣнія. Тогда разумно объ-

единятся церковный нагѣвъ и младшая его сестра—народная пѣсня, въ строеніи которой, какъ кажется, очень многое можетъ быть уяснено древне-церковною аналитическою записью. Тогда объединятся также живая музыкальная археологія и живая поэзія нарождающагося нынѣ русскаго церковно-музыкальнаго искусства XX вѣка. Какъ кажется, недалеко время, когда археологія сможетъ сдѣлать ему существенныя услуги, давъ доказанныя и вполне русскія основанія для направленія дальнѣйшей его дѣятельности.

I.

Сопоставленіе нотаций сербской, греко-болгарской съ нотациею русскою п заключеніе объ отсутствіи между ними чего-либо существенно общаго и въ письмѣ, и въ напѣвѣ.—Полное сохраненіе нами веѣхъ греческихъ церковно-уставныхъ указаній и въ противоположность тому сохраненіе лишь 6 изъ 86 греческихъ названій иѣвчихъ терминовъ, причемъ и эти 6 ни въ начертаніяхъ, ни въ напѣвахъ не имѣютъ съ греческими ничего общаго.—Предположеніе объ обратномъ значеніи Есфигменскаго Ирмолога, то-есть, какъ памятника русскаго, нисаннаго для грековъ, а не греческаго.—Указанія лѣтописей о прибытіи пѣвцовъ-грековъ въ древнюю Русь и сопоставленіе этихъ указаній съ отсутствіемъ у насъ сколько-нибудь значительнаго слѣда дѣятельности грековъ въ пѣвчихъ рукописяхъ и въ древнихъ напѣвахъ.—Крайняя шаткость извѣстнаго свидѣтельства Степенной книги о прибытіи нѣвцовъ-грековъ при великомъ князѣ Ярославѣ.—Отличная и полная готовность всего круга русскаго церковнаго пѣнія уже въ XI—XII вѣкахъ указываетъ на созданіе своими силами православнаго русскаго пѣнія, можетъ быть, задолго до крещенія Руси.—Кондакарное знамя, его составъ.—Добавленія въ текстахъ, перешедшія въ знаменныя книги и существующія отчасти у болгаръ.—Нѣкоторыя паблюденія надъ нечитаемою еще кондакарною нотациею.—Мартиріи у грековъ и въ кондакарномъ знамени.—Отсутствіе мартирій въ русскомъ пѣніи.

Трудно сказать что-либо опредѣленное о ироисхожденіи знаменнаго пѣнія въ Россіи и о частичномъ существованіи его въ нашей землѣ до IX вѣка. Неизвѣстно, были ли, послѣ трудовъ свв. Кирилла и Меоодія, предложены славяпамъ напѣвы греческіе, пли утвердились какіе-либо славяпскіе напѣвы, сочиненные подъ несомнѣннымъ вліяніемъ византійской музыкальной теоріи, въ виду требованій славянскаго языка и славянской мелопеи. Археологи, встрѣтившіе въ греческихъ источникахъ весьма категоричныя и какъ будто бы и мотивиро-

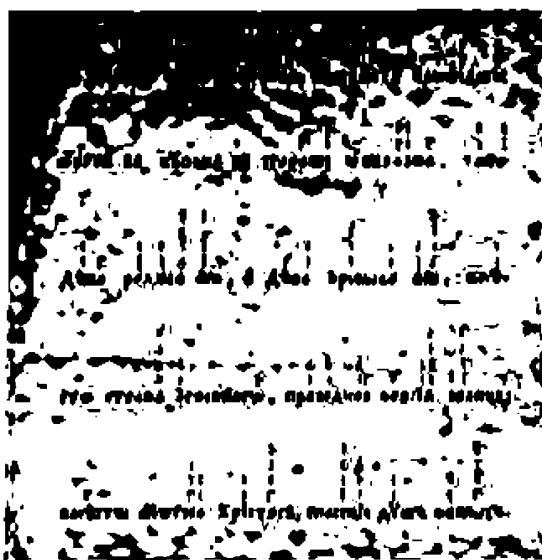
ванные свѣдѣнія, понятно, весьма склонны въ пользу передачи намъ изъ Византіи и напѣвовъ, и нотацій. Позволю себѣ думать однако, что самостоятельное существо нашихъ напѣвовъ и очевидность древнѣйшаго развитія ихъ только русскими силами невольно заставляютъ значительно умалить долю византизма въ искусствѣ, родиомъ у насъ съ самыхъ древнихъ временъ.

Совершенно неизвѣстно, съ какихъ иоръ болгары и румыны *) усвоили себѣ греческую нотацію, донинѣ существующую у нихъ съ древнихъ временъ. Неизвѣстно также, когда сербы создали свои напѣвы и выработали самостоятельное пѣвческое письмо, также донинѣ существующее. Какъ ни несомнѣнна отдаленнѣйшая теоретическая связь нашего русскаго знамениаго письма съ древне-греческимъ, все же она такъ слаба, что совершенно исчезаетъ въ массѣ русскихъ письменно-музыкальныхъ знаковъ и приводитъ къ мысли о полной самостоятельности развитія русской нотаціи русскими силами. О составѣ мелодій греческихъ, болгарскихъ, румынскихъ, сербскихъ въ сравненіи съ древне-русскими, какъ кажется, нечего и говорить. Изслѣдованіе мелодій только подтверждаетъ полную ихъ несродность съ русскими напѣвами.

Къ сожалѣнію, я не предвидѣлъ въ свое время возможности написанія этой работы, и мнѣ не удалось въ своихъ ногадкахъ сдѣлать на мѣстѣ снимки съ знакомыхъ мѣгъ болгарскихъ и сербскихъ рукописей. Неволю приходится теперь

*) Русскіе, населяющіе нынѣ сѣверную часть Молдавіи, Буковину и часть южной Галиціи, имѣютъ въ церковномъ употребленіи, вмѣстѣ съ румынами, нотацію греческую. Въ библиотекѣ Московскаго Синодальнаго училища имѣются двѣ такія рукописи конца XV и начала XVI в., то-есть, конечно, не древнѣйшія въ этомъ родѣ. Полоса отъ сѣверной Галиціи на Кіевъ издавна пѣла по пятилинейнымъ нотамъ.

ограничиться тѣмъ, что есть иодъ руками, то-есть, нотонечатью. вполнѣ, однако, сохранившею всѣ элементы древнихъ рукописныхъ нотацій. Слѣдующіе три примѣра нарочно взяты изъ мелодій на одинъ и тотъ же текстъ.

№ 1. Образецъ современной сербской церковной нотопечати (Изъ сборника „Црквенско пѣвање“, 3-е изд. Трифуневича, Бѣлградъ, 1885 г., л. 66 об.).

Изъ этого примѣра видно, что сербскихъ иѣвческихъ знаковъ существуетъ только три, то-есть, въ видѣ отвѣсной черты, въ видѣ буквы Г и въ видѣ измѣненнаго начертанія буквы Т. Употребленіе тѣхъ или другихъ сочетаній этихъ трехъ знаковъ представляетъ собою, очевидно, первичную, наивную нотацію, существующую, однако, донинѣ у сербовъ съ очень древняго времени. Въ частности у сербовъ совершенно неупотребительно существующее у грековъ, болгаръ и румынъ пѣніе на «исопѣ», то-есть, пѣніе въ полголоса, то тоники, то доминанты напѣва, всѣми присутствующими въ храмѣ, въ то время какъ псалты на клиросѣ, или одинъ протопсалтъ поетъ какую-нибудь стихиру, или иную какую-либо церковную пѣснь